

Тебя убьют первым

Автор:

Анна Литвиновы

Тебя убьют первым

Анна и Сергей Литвиновы

Высокие страсти #5

На юбилей внуки преподнесли Владиславу Иноземцеву и его старому другу Радию Рыжову – ракетчикам, стоявшим у истоков эпохи освоения космоса, – поистине царский подарок: поездку на Байконур, где прошла их молодость. Но путешествие в прошлое получилось нерадостным: и город, и космодром в плачевном состоянии. А потом случилось непоправимое – убили бывшего сослуживца Радия, собиравшегося передать ему некие секретные сведения. И это оказалось не последним преступлением, которое придется раскрыть внучке Иноземцева Вике. Вот только связаны ли убийства с космонавтикой?

Анна и Сергей Литвиновы

Тебя убьют первым

© Литвинова А.В., Литвинов С.В., 2020

© Оформление ООО «Издательство «Эксмо», 2020

* * *

Вдохновлено реальными событиями.

В то же время авторы строго предупреждают: всякое сходство или совпадение описанных в романе событий с реальными происшествиями, а его персонажей с ныне живущими или жившими людьми является целиком и полностью непреднамеренным и случайным.

Вика

По-настоящему эта история началась, когда Радий толкнул дверь квартиры и мы увидели на полу в луже крови тело Талгата... Или, может быть, несколькими днями раньше, когда я сошла с поезда на перроне станции Тюратам и увидела прекрасное лицо Дениса?.. Или, скорее, еще раньше, когда я (шел еще стылый февраль) приехала в Москву и мне за полночь вдруг позвонил сводный братец Сенька...

Февраль. Наши дни. Москва

Вот уж не думала, что в возрасте 20+ у меня появится отец.

И бабуля с дедулей. И – сводный братик ровно моего возраста.

Папаня, Юрий Владиславович Иноземцев, правда, пребывал от меня крайне далеко. Он, как оказалось, профессор, славист, преподает русский-литературу в универе в своей Калифорнийщине. Хотя мы по видеосвязи регулярно с ним толкуем – и даже с женой его новой, натуральной американкой. И с детками его, моими единокровными братьями-сестрами, которые, как и мачеха, по-русски ни бум-бум, приходится мне с ними свой инглиш тренировать.

Зато все прочие родственники – в относительной доступности. Особенно по масштабам нашей страны. Я сама в Поволжье, в городе М. проживаю. Они – в столице, в белокаменной нашей. Но всего-то ночь на поезде – и вот она, Москва златоглавая.

И так вышло, что я со своими новообретенными родаками даже, типа, подружилась. Наверное, сказалось, что я теперь по жизни одна как перст. Мама – умерла, бабушку мою Жанну убили давным-давно. Любимой прабабки не стало лет двадцать тому. И человек, которого я считала своим отцом и который обо мне заботился, Виктор Шербинский – за ними в страну теней последовал. А вдобавок ко всему во время моей отсидки в СИЗО мой женишок Ярослав подло меня предал.

Поневоле при таком раскладе будешь искать, к кому прислониться.

Но когда с москвичами общаешься, ведь главное, я давно поняла, – ничего не просить. Быть им ровней. А у меня собственная гордость имеется. И богатство – квартира в Москве. Подарок прежнего моего отца, Шербинского, международника-переводчика-собкора. Да, именно прежнего отца – который, как впоследствии оказалось, и не отец мне вовсе. Но об этом позже. И это еще, кстати, следовало уточнить-проверить.

Так вот, квартирка моя столичная, хоть однокомнатная, зато в понтном месте. У метро «Рижская», прямо на проспекте Мира, в сталинском доме. Правда, очень неприятные ассоциации она у меня стала в последнее время вызывать[1 - Подробно об этом, а также семейную историю Иноземцевых – Рыжовых – Спесивцевых можно прочесть в тетралогии Анны и Сергея Литвиновых «Высокие страсти». Роман первый – «Исповедь черного человека», второй – «Сердце Бога», третий – «Бойтесь данайцев, дары приносящих» и четвертый – «Здесь вам не Сакраменто»]. Поэтому я ее сдавать наладилась. Но сдача – дело такое. Постоянного пригляда требует. Не все риелтору поручишь. Вот и сейчас: нашла мне моя Янина вроде нормальных жильцов – в Останкино работают, на телевидении, типа. Да только там началось: пьянки, гулянки, крики, ор, мат. Соседи замучились участкового вызывать. Пришлось телевизионщикам от постоя отказывать. А с новыми претендентами, я сказала, сама буду кастинг устраивать. Вот и пришлось через риелторшу собеседования-просмотры на субботу назначать, а самой из М. в Первопрестольную ехать, чтобы выбрать среди многочисленных кандидатов в арендаторы подходящих.

Но нет худа без добра: заодно повидеюсь со всеми родными. Не просто приеду в златоглаву, как бедная провинциальная родственница, типа, к бабушке-деду погостить. Прибуду к себе домой и вроде как по делам. А заодно с новоявленными родственниками встретиться.

У меня особенно с дедом Владиславом Иноземцевым отношения сложились. Я его «дед Влад» называю и на «ты». Может, мы так душевно близки стали оттого, что он, как и я, неприкаянный. Жена его вторая лет семь как умерла. Первая супруга, Галина (и моя, типа, бабка по крови), которая когда-то первой советской космонавткой стать готовилась, давно его бросила, имеет второго мужа-старичка и на деда внимания не обращает. Живет дед Влад один-одинешенек в квартире где-то в районе Ленинского проспекта. Сам ведет хозяйство, варит куриный бульон на неделю. В квартире – идеальный порядок, ни пылинки, ни соринки. Поддерживает себя. Приезжают к нему только несколько дипломников и диссертантов из Бауманки – он их школит. Внук его родной Арсений (мой полубрат) особенно его визитами не балует. Сын его единственный (и мой отец), как я уже говорила, далеко, в своей Калифорнийщине.

Зато как я приезжаю, дед Влад аж сияет. Начинается чай, тортики. Истории про Королева, Гагарина, первых космонавтов – он их всех знал, и близко. Рассказы про то, как он на Байконур на первые запуски ездил.

А уж если они вдруг со вторым старым хрычом сталкиваются – другом юности (и по совместительству вторым дедом Арсения), Рыжовым Радием Ефремовичем, – там вообще тарарам начинается. Да еще если эти два старикана слегка подопьют! Шутки, веселье, подколки, рассказы бесконечные. Энергии и магнетизма у них побольше, чем у иных двадцатилетних.

И у другого старца, «дяди Радия» (как я его иногда называю), отношение ко мне тоже особое. Его крови хоть во мне и нет ни капельки, зато (он не раз это мне говорил, да я и сама на фото видела) очень я похожа на свою собственную бабушку Жанну. Ту, которую Радий беззаветно любил и которую (как он считает) предал. И винится. И она была убита в самом молодом и нежном возрасте, еще в 1959 году. А я за ее гибель спустя много лет отомстила, но сама потом за то поплатилась[2 - Об этом – в начальных томах тетралогии Литвиновых «Высокие страсти»].].

В общем, не успела я в пятницу поздно вечером, после самолета из М., аэроэкспресса и метро, в мою столичную квартирку ввалиться – да что там вечером, ночь была на дворе! – звонок. Кто там? Мой странный полубрат, единокровный Арсений.

– Прибыла?

Я не стала его выпрашивать, откуда знает. Подумаешь, бином Ньютона! У меня на телефоне геопозиция выставлена, и для соцсетей она доступна. Значит, все видели, кому интересно: я путешествую, прибыла в златоглавую. Усмехнулась:

- Следишь за мной, большой брат?

- Ага, слежу, мелкая ты моя сестренка.

- Чего звонишь?

- Надо повстречаться, обсудить кое-что.

- Что вдруг?

- Дело есть.

- А по телефону или мессенджеру нельзя?

- Лучше глаза в глаза.

- Я завтра, в субботу, весь день занята. - Не буду я ему, естественно, говорить, чем занимаюсь, но у меня последний претендент на квартиру, Янина сказала, на восемь вечера записан. - А послезавтра, в воскресенье с утра, к деду Владу в гости иду. И вечером - назад, домой в М. лечу. Плотный график, извини.

- Давай тогда завтра вечером. Или ночью.

- Ты-то, понятное дело, сова. А мне за что страдать?

- Да ладно, ты что, пивасика не хочешь с любимым братиком дернуть?

- Только я никуда не поеду. Тем более к тебе в твое Братцево.

- Не Братцево, а Братеево, периферийный ты человек.

– Это все равно. Приезжай на Рижскую, в моем доме есть какое-то заведение.

– Принято!

В доме, где у меня квартира, действительно имелось кафе, и вечно (окно мое во двор) воняло мне запахами кухни. И все время вывески менялись – не выдерживали конкуренции или аренды столичной сумасшедшей. Сперва было что-то японское, потом аглицкий паб, теперь нечто с понтом итальянское.

Ладно, все равно надо мне где-то завтра ужинать, не готовить же самой (и жевать потом в одиночестве на кухне). А тут хоть с Сенькой поболтаем. Он у меня забавный.

Как вообще получилось, что он стал моим полубратом?

Мамочка моя Валентина, несчастная, любимая, высокоталантливая, широко шагающая, полжизни проработала в Москве журналисткой. (Остальные полжизни перебивалась и растила меня в М.) Как раз лучшие ее годы выпали на самый излет и угар советчины – семидесятые, восьмидесятые. А известно, что тогда в среде творческой интеллигенции творилось. Сплошной промискуитет. Никаких сдерживающих центров. Ни религии, ни веры – ничего. И парткомов уже не боялись. Все трахались со всеми.

А мамочка моя была – ох, штука хоть куда. Красивая, задорная, веселая, раскрепощенная. Ее многие, могу себе представить, да, очень многие добивались. Но она (как дура – самокритично говорила она сама про себя) влюбилась без памяти и на всю жизнь в Шербинского. Человека, которого я всегда, до последнего времени, почитала своим отцом. Лет на двадцать ее старше, лощеный, холеный. Пара языков в бэкграунде, собкорский пункт в Париже. Но, беда, был Шербинский женат. И от супруги уходить не хотел. Боялся – карьера пострадает, да там и жена болела, и дочери росли. Короче, морочил матери моей голову.

Но на мамочку мою, конечно, и другие самцы слетались, как мухи на мед. И ухаживали, и рассыпались перед ней, расстилались, ниц падали.

А Шербинского и рядом-то часто не бывало. То он за мир во Франции борется, то с Острова Свободы очерки шлет, то в пылающем Лаосе корреспонденции пишет. И в то время Юрий Иноземцев, сын деда Влада и бабки Гали, тоже журналюга

тогда, молодой, красивый как бог, румяный, талантливый, в нее влюбился. Добивался изо всех сил. Обещал все бросить, из семьи уйти.

А у него у самого тоже жена была. Звали Мария. И она, эта Мария – дочка того самого дяди Радия, который моего деда Влада – первый и закадычный друг.

И вот Юрий Владиславович Иноземцев заделал ребеночка своей законной супруге Марии – и получился мой полубрат Арсений. И в то же самое время штурмовал-атаковал мою бедную мать. И она ему уступила, в результате чего через девять месяцев на свет появилась я.

Мать моя Валентина, конечно, и в Юру этого тоже отчасти влюблена была. Но пробежала меж ними черная кошка, состоялся огромный скандал – и разрыв. А раз уж они разбежались, и продолжения отношений не предвиделось, мамашка моя справедливо посчитала: пусть детка в ее животе (то бишь я) будет считаться дочерью Шербинского. В самом деле, у того ведь и вес, и положение, и богатство. И мамочка моя никому-никому и никогда не говорила, что в реальности я – Иноземцева. Все всегда, и Шербинский, и я, считали, что я – его порождение. И Викой я названа, можно сказать, из эпатажа, чтобы жене законной нос утереть – в его, Виктора Шербинского, честь.

Шербинский так и ушел к праотцам с глубоким убеждением, что я его порождение, да и мне мамочка моя бедная до самой смерти ничего не говорила. И лишь потом, постфактум, как начались у меня нелегкие деньки, адвокат мне мой открыл глаза. И отец мой, оказавшийся родным, Юрий Владиславович Иноземцев, надо отдать ему должное, не отрекся от меня, в трудные времена помог.

Вот так и получилось, что у меня с братиком единокровным всего пара месяцев разница в возрасте.

Активным он был, любвеобильным – нынешний американский профессор Иноземцев!

Пиво в заведении «Макарони по-флотски» в моем московском доме, конечно, оказалось хуже, чем жигулевское у нас в М. Зато пицца четыре сыра – выше всяких похвал. Я сидела, наслаждаясь едой и покоем, и переваривала впечатления сегодняшнего дня – семерых претендентов на мое жилье. Троих

я отмела сразу – довольно мутные какие-то. Двое понравились. Надо, наверное, обоим повысить цену тысячи на три, и тому, кто не испугается – не соскочит, сдать.

А вот и Сенька мой явился. Длинноволосый, как хиппи из семидесятых, и слегка не от мира сего. И с цветочками, с ума сойти.

– Как это мило с твоей стороны.

– А, я со своей расстался. Надо же кому-то внимание оказывать. А то у меня на месте нежных чувств неостребованная теперь зияет дыра.

– Чего ты так хотел со мной увидеться?

– Соскучился, сестренка.

– Не лги мне.

– Ладно, дело есть. Сейчас закажу пищу и рассыплю перед тобой бисер моего красноречия. Не забудь только повесить свои уши на гвоздь внимания. – К манере Сеньки изъясняться надо привыкнуть.

Итак, пережевывая карпаччо, Сенька изложил свою идею:

– Как ты, может быть, ведаешь, у наших благонравных, высокоумных дедов скоро юбилей. Я имею в виду не только нашего с тобой совместного дедулю Влада, но и дружбана его закадычного, а по совместительству моего грендфазера номер два, Радия-прекрасного-Ефремыча Рыжова. Ты, возможно, по причине своего слишком недолгого пребывания в семье, еще не успела познать, но они ведь у нас мало того что одногодки, еще и в одном месяце родились. Я вот и предлагаю: давай сделаем им совместный подарок. Им двоим – от нас двоих.

– Идея хорошая. А что конкретно?

– Я предлагаю подарить им тур в молодость.

– А конкретней?

– Ты же знаешь, сестрица, они у нас оба – старые ракетчики. На космодроме всю молодость проторчали. Вот я и предлагаю: давай подарим им тур на Байконур. Я узнавал, туда теперь возят космических туристов. Но не в смысле в космос запускают. Чтобы в безвоздушное пространство отлететь, немножко иные финансовые ресурсы потребны. А нам, простым людям, можно приехать на космодром, посмотреть разные площадки, стать свидетелем, как в буклете написано, уникального момента – запуска ракеты.

– Идея хорошая, – кивнула я. – Но не стары ли они оба?

– Да они еще у нас хоть куда! Вон, дед Влад прошлой осенью Болгарию посещал, на лодке в море ходил, ставриду там ловил и бычков.

– Все равно, Байконур теперь – иная страна. Чужой климат. А разволнуются при встрече с молодостью? Еще хватит кондратий, на чужой-то земле. А мы с тобой будем виноваты.

– Да, я думаю, что они, конечно, оба нуждаются в супервайзинге. Никому на аутсорсинг этот процесс передоверить нельзя, потому я предлагаю нам с тобой отправиться на космодром вместе с ними.

– И нам тоже?! Их нянчить?

– Да ладно, нянчить. Деды у нас хоть куда. Насладимся заодно незабываемым зрелищем отлета в космос, посетим исторические места, откуда начиналась дорога человечества в космос, – проговорил он, как из рекламного буклета турфирмы.

Если честно, деды, особенно Владислав (да и бабка Галина), своим космосом меня слегка заразили. Очень они им увлечены были. Столько всего рассказывали! И я уже даже сама, по своей инициативе, посматривала в ютубе то трансляцию космического запуска, то репортажи с МКС, как космонавты-астронавты там, в невесомости, едят или голову моют, то экспедиции сталкеров через пустыню в заброшенные ангары Байконура, где стоят-пылятся покинутые ракетно-космические самолеты серии «Коршун».

- А дедам-то поездка на Байконур, думаешь, понравится?

- Еще бы! Естественно свидание с юностью!

- По несчастью или счастью, - процитировала я, - истина проста: никогда не возвращайся в прежние места.

- Это чьи стихи? - вскинулся Сенька. - Деда Рада?

Дед Радий - он мало того, что военный ракетчик, подполковник в отставке - еще вдобавок бард, поэт, артист, с молодых лет сотрясал сцену Дома офицеров в Байконуре. Песни у него хорошие, и мне до сих пор нравится, как он поет свое и чужое.

- Темный ты человек! - сказала я. - Это Шпаликов.

- А, тоже шестидесятник, как дед. А по Байконуру - даже не сомневайся, деда получат большое впечатление, или даже откровение, или просветление. Всячески будут довольны за доставленное удовольствие.

- Ага, если выживут, - буркнула я.

Вот ведь легкомысленный и поганый мой язык! Зачем только я такие вещи вслух произносила?! Разве не ясно было мне, идиотке: даже мысль материальна, не говоря уж о слове!

- Они деда крепкие. Советские изделия. Знаешь, как тогда говорили: советское - значит, отличное.

- А какова цена вопроса?

- На одно лицо тур стоит шестьдесят пять тысяч российских рублей. Плюс дорога, но это недорого. Билет на самолет, я узнавал, обойдется тыщ в двенадцать в оба конца. Итого примерный бюджет на четверых - около трехсот тысяч. Нам с тобой, как банкующей стороне, получается по сто пятьдесят. На твое прекрасное нежное личико. И столько же на мое рыло.

- Ты с ума сошел! Дорого-то как!

- Ой, сестрица! Будет тебе приbedняться в провинциальном стиле! Тоже мне, сиротинушка! Квартиру столичную в данном сталинском доме сдаешь? Сдаешь! Пятьдесят тысяч ежемесячно - цена вопроса. Плюс на службе на своей - начальник отдела маркетинга в представительстве крупной мультинациональной фирмы - еще тысяч семьдесят заколачиваешь, плюс премии.

- А ты что, в налоговой инспекции подрабатываешь?

- Ага, почти, - хохотнул он. - Живешь одна, детей, домашних животных не имеешь - и ради родных дедов, а также собственного незабываемого удовольствия чураешься своим месячным доходом?

Я опять не стала спрашивать, откуда у Сеньки столь приближенные к реальности сведения о моих заработках - воистину, ныне, в век соцсетей и интернета, выведать о человеке можно что угодно. Но все равно подарок представлялся мне чрезмерно дорогим. Хотя, что там греха таить, завлекательным. Посмотреть своими глазами на бывшее величие советской славы. Глянуть на некогда абсолютно засекреченный объект с удивительной историей. Да еще и послушать невыдуманные истории из первых уст, от моих и Сенькиных дедов. И радость - я надеюсь, что радость - им доставить.

- Знаешь что, Арсений, - подытожила я, - предложение твое мне в принципе нравится. Но в существующем виде представляется довольно сырым и непроработанным, - странным образом, наслушавшись братца, я стала выражаться в его заковыристом стиле. - Особенно, что касается источников финансирования. Мы ведь с тобой - далеко не единственные родственники деда Влада и деда Рада. Есть и иные родичи, которым данная идея тоже может прийтись по сердцу. Почему бы не обратиться, в смысле краудфандинга, к отцу нашему общему, Юрию Владиславовичу? К матери твоей, Марии? К супруге бывшей деда Влада - Галине, космонавтке несостоявшейся? И потом, ты хочешь порадовать поездкой-подарком обоих своих родных дедов - и Владислава, и Радия. Но мне-то Радий не родной! С чего я должна нести на его счет равные с тобой материальные тяготы? Нет, я от деда Рада не отказываюсь, но для меня он, напомню, не дед, а всего лишь друг, пусть близкий и лучший, своего деда Влада. Поэтому я бы на твоём месте, Арсений, проработала материальные аспекты твоего плана.

– Ой, ну ты крохоборничаешь, сестрица.

– Денежки, как говорится, счет любят. И требуют ответственного к себе отношения.

Забегая вперед, хочу заметить, что в дальнейшем краудфандинге Сенька преуспел. На удивление, ни у кого из родни идея отправить старичков на Байконур отторжения не вызвала. Напротив, согласно Сене, все родственники, к кому он обращался, восклицали: что за прекрасная идея! И по части финансирования мой полубрат устроил в итоге сложную схему, в которой, к примеру, Мария (мать Сени и дочка Радия) вкладывала десятку, то есть десять тысяч – но исключительно на деда Радия, без финансирования деда Влада; широкая душа Юрий Владиславович из Америки платил за обоих дедов, родного отца и бывшего тестя; а пенсионерка и экс-супруга Владислава Галина вносила десятку на него и пятеру на друга юности Рыжова. Короче говоря, своим, как выразился Сеня, крохоборством мне удалось скостить собственное соучастие в проекте на сорок тысяч по сравнению с изначальным его предложением. И то хлеб. А главное, столь широким привлечением средств мы как бы перекладывали со своих хрупких плеч на целый коллектив родственников ответственность за нетривиальную идею пригласить престарелых дедов в опасное (для их возраста) путешествие на самый край обитаемой Ойкумены.

* * *

Владиславу Дмитриевичу Иноземцеву в последнее время стали сниться красивые сны. Он где-то прочитал, что так бывает в старости: организм яркими картинками как бы компенсирует хвори и нехватку дневных впечатлений. А может, это для того, чтобы облегчить старику будущий и уже маячащий главный переход от бытия к небытию – или, возможно, к вечной жизни.

Он даже спрашивал про приятнейшие сновидения и у жены своей бывшей, ровесницы Галины, и она подтвердила: точно, и у меня именно так все обстоит. И у дружбана лучшего, Радика Рыжова, выведывал. Ну, тот все шуточками отделяется, до сих пор порой скабресными: да, мне, говорит, вчера яркое снилось: как Волочкова голая передо мной на шпагат садится – в ужасе проснулся!

Но факт остается фактом: ночные видения у Владика стали зело приятны. Не Волочкова, конечно, и не каждое засыпание, но случалось. И в основном все – про молодость. И был он сам в тех снах крепким, юным, любящим и любимым. И особенно часто почему-то снился Байконур. Причем тот, самый ранний, неосвоенный, первоначальный, каким его увидел впервые Иноземцев зимой шестидесятого года. Потом он там, конечно – коль скоро судьба его накрепко связала с ракетами, – не раз и не два бывал, снова и снова. И несчастная лунная ракета при нем впервые стартовала, и «Родина» с «Коршуном».

А вот снились времена, когда космодром не называли еще ни космодромом, ни Байконуром, а был он Тюратамом и полигоном, и действовала всего одна площадка (а другая, сорок первая, была уничтожена ужасным взрывом ракеты Р-шестнадцать, где погиб его отец Флоринский), и не называлась она никаким «гагаринским стартом», потому что никто и не знал еще, и не ведал никакого Гагарина. Тогда, год с лишним, с ноября шестидесятого по январь шестьдесят второго, Владик воспринимал то время, как ссылку – да ведь так оно, в сущности, и было. Он подозревал, что наказали его негласно за связь с болгаркой Марией. Еще бы! Он секретный специалист с допуском по первой форме, а она иностранка, хоть из соцлагеря. Хорошо еще, сослали – а могли ведь и вышвырнуть с работы с волчьим билетом (и из комсомола) или даже посадить. Как бы то ни было, факт оставался фактом: его, молодого, двадцатилетнего перспективного инженера, отправили из Подлипков, то есть, читай, Москвы, в пустыню решать интересные (но тривиальные) рабочие моменты. Оторвали от сыночка-младенца Юрика, от великолепной любовницы, болгарки Марии, от столицы, где открывались многозальные кинотеатры, выходили широкоэкранные фильмы и в Кремле рос не по дням, а по часам величественный Дворец съездов. А там, в пустыне, на пятом научно-испытательном полигоне Минобороны он жил в общежитии без удобств в комнате на четверых, питался всякой ерундой в столовке для специалистов на второй площадке, и было счастьем, если удавалось в субботу помыться в бане и удрать на попутном грузовике в городок на танцы, что устраивали на танцверанде на берегу Сыр-Дарьи.

А вот поди ж ты! Сейчас воспринималось то время как самое счастливое. И даже неудачные пуски: в ледяном декабре шестидесятого года двух собачек закинули вместо расчетного района в Китай (и подорвали корабль), а два других кабысдоха не вышли на орбиту, уронили их в Туве, а потом четверо суток искали по тайге, но нашли, и живыми, почти здоровыми. Однако все равно, какой подъем был: мы делаем великое дело, готовим запуск первого человека в космос, и скоро он будет наш, советский, и мы реально впереди всех!

Вот и в сегодняшнем предутреннем сне деду Владу вдруг привиделось: он на Байконуре. В той самой своей каморке, бараке на второй площадке, где прожил больше года. И в комнате больше никого, и он знает, что соседи в МИКе и точно в комнату не войдут. И вот он лежит будто бы на кровати, а в комнату вдруг входит Мария – такая, как она была тогда: юная, красивая, чернокудрая, полногрудая. Входит, садится к нему на койку и начинает тормошить его и приговаривать со своим очаровательным болгарским акцентом: «Влади, Влади, как же я соскучилась, как же хорошо, что я нашла тебя здесь, это было непросто, а я справилась». А он в ужасе, ведь это же сверхсекретный объект, а она иностранка, как она смогла проникнуть сюда? А она смеется: «Влади, давай скорее делать любовь», – и снимает кофточку, расстегивает бюстгальтер, обнажает свои великолепные груди и ложится на него сверху. Он высвобождается, кричит в ужасе: «Нет, как ты здесь?! Кто дал тебе пропуск?» А она смеется: «Хорошо, я скажу: да, я шпионка, мы хотим выведать, кто из вас первым полетит в космос, может, ты? Да, я всегда работала на американскую разведку, а ты, Влади, мой агент!»

И тут он просыпается – в ужасе, с напряженными чреслами, но и в разочаровании, потому что ему не двадцать шесть лет и он не молодой ракетчик на Байконуре, не готовит запуск первого советского человека в безвоздушное пространство, и даже не шпион, и нет рядом никакой Марии, тоже юной, кипучей и свежей...

Вика

Наутро в воскресенье у меня имелось в Белокаменной иное дело, однако тоже с дедами московскими связанное.

Дед мой Влад Иноземцев выглядит, с одной стороны, точь-в-точь как полубезумный профессор из голливудского фильма, реинкарнация Дока Брауна из «Назад в будущее»: сухощавый, лысенький, с венчиком развевающихся седых волос. Но при том видок у него – будто бы этот «Док Браун» оттарабанил лет двадцать в морской пехоте, причем на командных должностях. Все-таки советский космос был всегда организацией полувоенной, и даже тот, кто, вроде деда, формально в армии не служил, подпитывался на полигонах-космодромах, совещаниях и пусках воинской дисциплиной. Поэтому был Владислав

Дмитриевич, вдобавок к живой безуминке и венчику волос, подтянутым, с отменной выправкой, скупым и точным в жестах.

К нему, на улицу Дмитрия Ульянова, я приехала спозаранку в воскресенье. Квартира деда подкупала огромным количеством книг и тем, что содержалась в идеальном порядке: ни пылинки, ни соринки. И это при том, что лет семь после смерти второй жены не касалась ее, насколько я могла судить, рука женщины. Однако в последнее время и дед Иноземцев стал сдавать. Кое-где от стены отставали обои. Старинная вытяжка на кухне покрылась хлопьями жирной пыли. В дальних углах комнат повисла черная паутина. Дед, по причине старости и близорукости, похоже, переставал запустение различать – а может, просто руки становились немощными. Я сделала для себя мысленную пометку, что в следующий визит в Первопрестольную следует вызвать ему профессиональную генеральную уборку (и оплатить, разумеется).

Дед мне ужасно обрадовался, потащил на кухню пить чай – тортик я привезла с собой. Хлопотал над чашками, разглагольствовал:

– Ты даже не представляешь, моя крошка, какие чудесные привилегии приносит мой возраст! Например, пить чай с каким угодно количеством сахара и съесть несчетное количество кусков торта – о фигуре мне заботиться уже поздно, да и сахарный диабет не успеет развиваться. И кофе тоже можно потреблять без ограничений, потому что пониженное давление, астения, надо сдабривать. Да даже и с коньяком с утра!

– Так за чем же дело стало? Я и коньячок привезла.

– Нет-нет, хочу тебя, голубка моя, воспринимать на трезвую голову. Всю жизнь старался, если посторонняя женщина вдруг случится в доме, прежде всего, ее напоить – отчего и сам голову терял. Впрочем, увы, увы, не так часто это происходило – мы все больше работали, ковали ракетно-ядерный щит. Все время сроки поджимали, лихорадка, проверки, тесты. Было, прямо скажем, не до баб-с. А теперь они уже и не нужны. Наслаждаешься только вприглядку молодостью и красотой. Ладно, хватит ерунду нести (это я себе говорю). Пора и чаевничать.

Когда мы уселись за идеально вымытый, до белизны, столик на кухне (до него у деда руки доходили), я задала главный вопрос:

– Скажи, дед Влад! А почему вы все мне так легко поверили? Что я вам внучка? Я ведь никаких вам доказательств не представила?

Он – вот святой человек! – только развел руками:

– А зачем тебе было врать?

– И все-таки?

– Ну, раз твоя мама сказала тебе, что обрюхатил ее мой сынок – значит, она знает. Женщины ведь всегда это ведают. Вдобавок я своего Юрочку хорошо помню, какой он в молодости был. Он не то что ни одной юбки не пропускал... Там другое слово: не мог устоять перед красивой, умной женщиной. Осаждал ее и на все готов был, чтоб добиться. А твоя мама, по твоим рассказам судя и по твоему прекрасному лицу, как раз такой, очаровательной и умной, и была.

– Спасибо, конечно, но все-таки я хотела бы представить доказательства.

– Ты что, какой-нибудь тест ДНК имеешь в виду?

– Совершенно верно. В прошлый раз, когда я была у вас перед Новым годом, я с вашей, Владислав Дмитриевич, расчески в ванной пару волосков сняла.

Он юмористически схватился за голову, за свой седой венчик.

– То-то я чувствую, мне чего-то не хватает.

Дед всячески пытался сгладить неловкость ситуации, а я продолжала:

– И я сдала эти ваши волоски и свою собственную кровь на анализ в соответствующую фирму. И вот они прислали мне результат.

Я залезла в сумочку, достала конверт и распечатала его. Дед следил за моими манипуляциями с нескрываемым интересом.

– Совпадение – девяносто девять процентов и девяносто девять сотых. Я вам действительно родная.

Если честно, я сама никогда даже не сомневалась. Женщина ведь правда, как говорят, всегда чувствует, кто ее ребенка действительно отец.

И очень похоже было на мою маму Валентину, твердую и негибкую лисичку, заморочить голову всем, включая меня, чтобы до самой своей смерти признавать в качестве папаши Шербинского. Что ж, она хотела для своей дитятки как лучше, а в поздние восьмидесятые и девяностые лучшим отцом для меня был, конечно, не молодой неоперившийся Иноземцев, а вальяжный Шербинский.

Иноземцев-старший не мог сдержать своего умиления.

– Вот видишь... Я знал, знал!

– Вы только не подумайте! – предупредила я. – Что я на ваши хоромы хочу претендовать и другое наследство. Мне и так хорошо, и мне всего хватает. А у вас и без того – родной сын и от него трое родных внуков, включая Сеньку.

– Это ты, дорогая, – растроганным голосом произнес дед Влад, – сама и есть мое богатство и мое наследство!

Так прошел февраль.

В марте решили праздновать совместный день рождения деда Влада и деда Рада. Арендовали скромное кафе на задворках Ленинского. Дед Рад притащился из своего дачного поселка Черенково, где проживал безвылазно и постоянно. Пришла пара их старинных друзей, прибыла Галина, первая жена Владислава Дмитриевича. Жаль, что мой отец из своей Америки не смог приехать – семестр в самом разгаре. Но я при-мчалась из М., прямо как настоящий член семьи. И Сенька пришел, естественно.

На мероприятии мы свой подарок и огласили.

Дед Влад казался пораженным и растроганным. Только и протянул:

- Ну, вы даете...

А дед Рад - он слегка перебрал - возмутился:

- На Байконур? Опять? Что я там забыл! Я оттуда еле вырвался! Да я каждую кочку там знаю! Да там развал и катастрофа, и даже смотреть больше нечего!

Он так чистосердечно причитал и возмущался, искренний наш и открытый холерик, что Галина, экс-жена Владислава Дмитриевича и несостоявшаяся космонавтка, даже на него прикрикнула:

- Ну-ка, прекрати, Радий Ефремович! Что ты себе позволяешь? Ты что, не понимаешь, что обижаешь ребят - внука своего Арсения или вот Викусю, которые все это придумали и затеяли? И деньги с нас всех на подарок этот собрали?

И экс-подполковник Рыжов умолк в тряпочку.

А мы стали готовиться к поездке.

Ближайший пуск с Байконура намечался на четвертое апреля. К нему и стали подгадывать.

Я решила отправиться на поезде. Все-таки М. - на полдороге от столицы до Байконура, и скорый «Москва - Ташкент» как раз идет напрямик через мой город и Тюратам. Долго ехать, конечно, больше суток. Но все равно лучше, чем сначала пилить на север, на самолете во Внуково или Домодедово - из нашего города «птички» следуют только в эти аэропорты, потом переезжать в Шереметьево, оттуда следовать ровно на юго-восток, в Кзыл-Орду, и там еще часа три на машине. Замотаешься. Иное дело - под стук вагонных колес. Расслабилась, улеглась, и через тридцать часов сна, еды, неспешного чтения, глаzenia в окно ты на месте.

Конечно, пришлось купить «СВ», чтобы среднеазиатские пассажиры не мешали моему одиночеству своими шумами и запахами. В спальные вагоны проводники на маршруте, как говорят, чураются подсаживать безбилетников и от зайцев оберегают. Я ехала в целом вагоне совершенно одна, на все купе, и со мной они

носились как с писаной торбой, плов приглашали есть.

На станцию Тюратам поезд прибывал в половине первого ночи.

Если честно, я маленько дергалась. Ночь, степь, Казахстан. Маленький разъезд. В лучшем случае, встретит, как обещано, водитель Муратбек. А если нет? Искать ночью такси, ехать самой в гостиницу? Бррр.

Но на перроне меня ждал ослепительный сюрприз.

* * *

У вагона меня встречал редкостный красавец.

И это был НЕ шофер.

Высоченный, стройный, как Аполлон. А лицо! Я, честно говоря, таких еще не видела. Нет, конечно, на экранах и на картинках, в гламуре и глянце – да. А в жизни и близко – никогда.

Он был похож на молодого Делона. Как из его рекламы одеколona в середине шестидесятых годов. Ален Делон не пьет одеколон, да.

У меня аж в зобу дыхание перехватило. И в глазах помутилось.

– Добро пожаловать на космодром, – ослепительно улыбнулся он и подхватил мой чемодан. – Как добрались?

Красавчик был в ярко-синей куртке с красочными нашивками и шевронами космических миссий. «Союз МС-11» и так далее.

Интеллигентные манеры, приятный тембр голоса. Нет, в нем, конечно, должен, просто обязан обнаружиться какой-то изъян. Не бывает так, чтобы без изъяна. Но пока я никакого несовершенства в нем не находила.

– Спасибо, доехала прекрасно, – пробормотала я.

Вообще это ужас, конечно. У меня на голове – полный кошмар. Последний раз душ принимала вчера утром. Вчера! Утром! Какими глазами он меня видит и что обо мне думает?!

Он поспешил по перрону, влача мой чемодан. Шаг у парня был широкий, и мне оставалось только семенить за ним.

– Меня зовут Денис, – на ходу вещал он, – фамилия моя Телегин, я директор фирмы БКП, или Большое космическое путешествие, и я буду сопровождать вас все дни вашего пребывания на Байконуре.

– У вас директор фирмы всех туристов лично на вокзале встречает?

– В основном, да, но предпочитаю красивых девушек.

– Спасибо, конечно. Но откуда вы заранее знали, что я красивая?

– Вы же нам скан своего паспорта присылали, – напомнил он. – Чтобы пропуск оформить.

– Да, на паспортном фото я, конечно, красавица.

– В жизни лучше.

– Ну вот, нарвалась на комплимент.

Я видела его явный ко мне мужской интерес и, даже странно, не почувствовала никакого отторжения. Напротив, мне было приятно, как в далекой юности: кокетливая игра. Как будто и не было кошмарных моих событий и великого оледенения. Или, может, я начинала оттаивать?

«Кажется, я с ним флиртую. А кто бы, спрашивается, на моем месте не стал? С таким Мистером Идеал? О боже! Скорее бы добраться в гостиницу. Привести себя в порядок, и тогда завтра... А что завтра?.. Броситься на него в решительную и безнадежную атаку? Пустить события на самотек? Неужели я мало обожглась и готова снова попробовать?»

Мы спустились с перрона и подошли к старому «Мерседесу» с казахским номером. Денис открыл багажник, положил мой чемодан, а потом распахнул передо мной заднюю дверцу.

На улице было холодно, и дул резкий ветер. Пока мы шествовали от вагона, я успела замерзнуть, поэтому теплый салон «мерса» оказался подходящим местом. Салон был уютным и старым, как засаленный диван, и еще в нем неуловимо пахло чем-то восточным. Мой провожатый уселся вперед, на пассажирское сиденье. За рулем еще присутствовал шофер.

– Муратбек, поехали, – скомандовал Денис. И, перегнувшись ко мне с переднего сиденья, включил экскурсовода. Может, он делал это от смущения? Замаскировать свой мужской интерес? – Итак, дорогая Виктория, добро пожаловать на Байконур. Именно отсюда, с железнодорожной станции Тюратам, когда-то началась история города и космодрома. Сюда зимой пятьдесят пятого года прибыли первые строители. Начальство жило в вагонах, солдаты – в палатках. Возводили здесь и город, и пусковой стол стройбатовцы, военные строители, и называлось это место НИИП-5, пятым научно-исследовательским испытательным полигоном Министерства обороны СССР. А вообще, наш город столько раз менял свои имена и названия, как ни один, наверное, в СССР и в России. Изначально его называли десятой площадкой, или объектом «Заря». Потом переименовали в поселок Ленинский. Когда в шестьдесят первом году стартовал Гагарин, в открытой печати стали называть место старта Байконуром – чтобы сбить со следа иностранные разведки, потому что реальная станция Байконур от разъезда Тюратам, куда вы прибыли, находится километрах в двухстах. Потом какое-то время, в шестидесятых, когда сюда французский президент приезжал, город именовали Звездоградом, даже знак на въезде соответствующий стоял. Но потом назвали его довольно скучно, Ленинском, а вот теперь он, наконец, именуется Байконуром официально.

– Вы прям уже экскурсию мне начали проводить, – хихикнула я. Получилось как-то глуповато.

– Просто я очень эти места люблю и обожаю про них рассказывать.

– Это ваша родина?

– И да и нет, – уклончиво отвечал мой чичероне и не стал развивать тему.

Справа от дороги промелькнула высоченная мечеть с подсветкой, надписи на казахском языке.

- Держу пари, при советской власти этого не было, - заметила я.

- Да, мечеть - достижение последних времен. А вообще, мы находимся на территории суверенного Казахстана. Россия арендует Байконур - космодром и город - до две тысячи пятидесятого года. Сейчас мы проедем КПП и в каком-то смысле окажемся на Родине. У нас здесь российская полиция и прокуратура, и «дыпс». И российские номера на машинах с индексом «девяносто четыре». Рубли имеют хождение наряду с тенге. И мэра назначают совместным указом двух президентов.

На КПП машину остановили, охранник внимательно осмотрел салон, поинтересовался, внесена ли я в список.

Мы въехали в город. Денис вещал с переднего сиденья, полуобернувшись. Голос у него был приятный и обволакивающий, но лица его очаровательного в полутьме салона практически не было видно, и слава богу - ведь его красота меня слишком деморализовала. Следовало как-то привыкнуть и прийти в себя.

По обе стороны замелькали дома. Типичный советский городок. Четырех-, пятиэтажки, хрущобы. Кое-где светятся редкие оконца полуночников. Никаких реклам или сетевых магазинов. И ни одного дома постройки девяностых. В основном - хрущевки из панелей или силикатного кирпича. Казалось, город заснул где-то в восьмидесятых и до сих пор спит.

- Мы едем по проспекту Королева. Раньше это была прямая дорожка на космодром, ведущая от центральной площади и штаба. Но в конце восьмидесятых последний километр проспекта сделали пешеходным, появился наш собственный Арбат.

Покружив по переулкам - дома здесь сменились на сталинские, - мы выехали на площадь и подрулили к гостинице. Гостиница оказалась очень советского вида и называлась «Стартовая».

Денис бросил водителю: «Не жди, я потом пройдусь». Достал из багажника мой чемодан и проследовал со мной к администратору. И да, в лобби сидела именно

администратор, а не рецепционистка – дама, крашенная в жгуче-черный цвет, с затейливой халой.

Мой гид о чем-то поговорил с ней, причем тон у него был заискивающий. Он попросил мой паспорт. Дама царила.

Наконец Денис протянул мне ключ. Ключ и на самом деле оказался ключом, а не магнитной карточкой.

– Вай-фая здесь в номерах, к сожалению, нет. Только в холле на первом этаже. Но я завтра, если хотите, куплю вам казахскую симку. Через нее интернета на время пребывания хватит.

– Очень хочу.

– Отопление у нас в городе уже отключили, но я попросил принести вам в номер обогреватель.

– Ну и дыра.

– К сожалению, это лучшая гостиница города. Есть еще так называемая французская, она по факту чуть приятней. Выглядит как трешка или максимум четверка в Париже – но там номер, на минуточку, стоит минимум триста пятьдесят евро за ночь. Хотите переехать?

– Что ж, за тридцать лет капитализма на Байконуре не смогли нормальных гостиниц построить?

– Частной собственности в городе нет. Ни на землю, ни на здания. Все в аренде, все принадлежит Главному управлению космоса, или сокращенно – Главкосмоупру. Поэтому кто будет деньги вкладывать в чужое?.. Впрочем, вам надо отдыхать. Завтра подъем в пять утра, и сразу едем на площадку, на вывоз ракеты. За вашими коллегами, господами Иноземцевыми и Радием Рыжовым, в аэропорт Кзыл-Орды водитель уже выехал, не волнуйтесь.

Я поймала себя на мысли, что не хочу расставаться с красавчиком. Так бы и проболтала всю ночь ни о чем. Пусть в холле странной гостиницы. Да, очень

плохая мысль, если разобраться. Совершенно неправильная. Я кивнула Денису: до завтра (получилось суше, чем хотелось) – и повлачилась с чемоданом к лифту.

Номер тоже оказался – настоящий Soviet style. Холодно, а упомянутый обогреватель не работает. Бра почему-то висит не над изголовьем, а на противоположной стене. Розетка тоже от тумбочки в другом углу. Будешь заряжать ночью телефон – на экран не взглянешь. Никакого шкафа нет, вместо него – вешалка о четырех рогах. И на всех предметах интерьера – тумбочка, вешалка, зеркало – инвентарные номера.

Зато державный вид на площадь, размеченную для парадов. Напротив – здание Главкосмоупра, бывшего штаба.

Кое-как я развесила на плечиках одежду на рогах вешалки и пошла в душ.

Теплая вода сочилась еле-еле. Зато в зеркале (с инвентарным номером) на меня смотрела пусть усталая, но готовая к любви и радостному существованию молодая женщина.

И тут я поняла, как князь Андрей при виде хрестоматийного дуба, что жизнь не кончена в двадцать с небольшим лет. Наоборот, все продолжается – а в каком-то смысле даже, может, и начинается.

Вика

Три года назад

Три года назад вытащить меня из СИЗО по явно сфабрикованной «наркотической» двести двадцать восьмой статье старались – так получилось – прежде всего Иноземцевы. Отец мой, Юрий Владиславович, примчался из Америки, башлял адвокату. Бабушка с дедом, Галина и Владислав, нажимали на все возможные тайные кнопки, напрягали наработанные за жизнь связи, чтобы снять с меня обвинения. Сидели в зале на процессе, болели за меня. И только жених мой, муж буквально завтрашний, несостоявшийся, Ярослав, не просто не помог, не поддержал, не оказался рядом. Но и – добил, ударил, принизил,

растоптал. Спустя десять дней после ареста, когда я только начала приспособляться, привыкать в СИЗО, получила от него электронное письмо (имеется теперь подобная прогрессивная услуга в российских тюрьмах – лучше б и не было!): «Я не могу позволить себе и дальше связывать свою судьбу с тобой... я не похож на жену декабриста... будем считать это письмо нашим прощанием...» Бумага в тот момент словно ударила меня под дых. Словно ослепила, одновременно охолодила и обожгла. Как?! И это человек, с которым я собиралась делить все?! И радости, и невзгоды, и достижения, и болезни?! Быть рядом – покуда смерть не разлучит нас?!

Когда отец и старички меня все-таки из липких лап правосудия отбили, первое, что я сделала, это отправила Ярослава в вечный бан на всех телефонах и мессенджерах. Не хотела ни видеть его, ни слышать, ни объясняться. Однако все равно вернулась в М. и вышла на службу, и он однажды подстерег – на улице, после работы, с огромным букетом.

– Что тебе надо?

– Вика, мы должны объясниться.

– Я не хочу с тобой говорить и видеть тебя.

– Вика, возьми букет, и давай отойдем куда-нибудь, люди смотрят.

– Пошел ты!..

И тут он бухнулся на оба колена прямо у моих ног, протягивая ко мне, словно умоляя о милости, обеими руками полсотни алых роз.

– Вика, послушай! Меня же подставили! Мне тоже подбросили наркотики! И поставили одно условие: отречься от тебя! И написать тебе ТО ПИСЬМО! И тогда они сказали, что мне ничего не будет! Прости меня! Я правда испугался! Я не хотел в тюрьму!

Я брезгливо обошла его, стоящего на коленях, и отправилась своей дорогой.

Он вскочил и бросился за мной, волоча свой букетище.

– Вика, ну прости! Я виноват! Да, оказался слаб! Но я любил тебя! И люблю! Вернись ко мне! Нам же было хорошо вместе! И будет так же!

Я хотела гневно и презрительно бросить ему, что да, каждый может в первый момент проявить трусость и слабость – но потом-то он мог и одуматься! И переметнуться! И начать помогать мне! Поддерживать в СИЗО! Если, как говорит, настолько любил. И нам было вместе хорошо.

Но – любые слова при этих обстоятельствах прозвучали бы бессмысленно и бесполезно. Теперь для меня Ярослав был не более чем мусор. Шлак. Я спрашивала себя и понимала, что смогу теперь относиться к нему только с брезгливостью – как к слизняку, таракану, мокрице.

И я обернулась и ледяным тоном бросила ему:

– Исчезни! Исчезни из моей жизни – навсегда! Представь, что меня таки – посадили! Считай, что я – сижу! Что я – умерла!

Потом он еще несколько раз совершал свои попытки, более робкие, однажды подстроив встречу на даче у друзей, другой раз в театре – но я не поддавалась и оказалась совершенно одинокой. А потом узнала, что он собрался и переехал в другой поволжский город.

Но эта история с Яриком тяжелым катком проехала по мне, по моим чувствам и моему либидо. А ведь был не только Ярик – еще был главный подставщик Павлик, ключевой элемент в спецоперации, подбросивший мне наркоту, такой первоначально милый, любезный и игривый. А ведь был еще подлейший старший следователь и майор полиции Максим Головлев. И все эти три мужика стали для меня как бы олицетворением всей гнуса и подлости окружающего мира. И с тех пор, как меня выпустили из СИЗО, только я видела интерес ко мне мужчины, парня, молодого человека, я, прежде всего, скептически начинала думать: а не такой ли ты шкура и предатель, как мой Ярослав, как Павлик или Максим? И моментально превращалась в лед. Даже в нечто иное – то, что жестче, тяжелее и холоднее льда.

И меня абсолютно к ним, этим мужчинам, не тянуло. Какими бы они ни были. И даже казались смешными их ужимки и отвратительными касания.

Никаких мужчин в моей жизни больше не существовало – теперь уже больше трех лет, с момента ареста, точнее – моего тогдашнего обманного отъезда из М. в Москву.

* * *

Наутро, еще только светало, мы выехали из гостиницы. Втроем. Тот же раздолбанный «мерс» и толстый Муратбек.

И – Денис.

Все понеслось в обратном прошлой ночи порядке.

Хрущевки просыпающегося городка. Потом КПП. Мечеть – теперь с левой стороны. Очень восточный городок Тюратам, откуда мы вчера приехали, огороженный щитами. «Чтобы начальству в глаза не бросался», – пояснил Денис.

А потом – еще один КПП, меня снова осмотрели, и мы понеслись теперь по территории космодрома. Дорога была паршивая, двухполосная, без обочин и разметки. По обе стороны – пустыня с верблюжьими колючками. Вдоль автодороги тянулась линия электропередач. И железнодорожная ветка. А по сторонам и на горизонте возникали время от времени сооружения разной степени заброшенности.

Сперва справа на холме появились огромные, запрокинутые в небо антенны-локаторы.

– Измерительный пункт «Сатурн», – пояснял с переднего сиденья Денис. – Отсюда поддерживается дальняя космическая связь. Но поскольку дальше орбиты Земли, где-нибудь на пути к Марсу, сейчас российских объектов нет, локаторы бездействуют.

С утра пораньше, при свете дня, Денис показался мне, слава богу, не таким совершенным, как вчера. Лицо, хоть и идеальных пропорций, выглядело усталым и слегка одутловатым. Возможно, вчера, возвратившись из моей гостиницы домой, он махнул с устатку стаканчик коньяку. Но я чувствовала, считывала его устремленный ко мне мужской интерес, и впервые за три года

мне было это приятно.

Справа пронеслись новые циклопические сооружения, и послышались новые пояснения моего гида:

- Кислородно-азотный завод. На чем ракеты летают, знаете? Какое топливо?

- Солярка, - буркнула я.

- Правильно, кислород и керосин. Есть еще несимметричный диметилгидразин, но это другая история, мы поговорим о ней позже. А изначально для ракет Сергея Павловича Королева требовался кислород, много кислорода. Вот завод и построили, прямо здесь, на космодроме, в степи. Очень мощный. Теперь его мощностей хватает, чтобы обеспечить все наши пуски недели на две работы.

А потом снова - степь да степь кругом, покрытая верблюжьей колючкой. Параллельно - монотонные столбы электропередач, рельсы железки, странные сооружения на горизонте.

- Космодром, - разливался Денис, - это примерно девяносто километров в длину, семьдесят пять в ширину. Это тысяча двести километров железных дорог, около пятисот километров дорог автомобильных. До самой дальней площадки ехать больше восьмидесяти «кэмэ», час, как минимум.

Он рассказывал с искренним увлечением. Откуда, интересно, такая любовь и тяга?

- Откуда вы все это знаете? - польстила я ему. - Вы здешний?

- Нет, я приезжий, - сухо откликнулся он и не стал, как и вчера, развивать тему.

Поскакал дальше на своем любимом космическом коньке:

- Мы с вами сейчас едем на вывоз и вертикализацию ракеты. Эта процедура всегда, так исторически сложилось, происходит рано утром - чтобы больше светлого времени оставалось с изделием на стартовой позиции работать... Кстати, мне позвонили - господ Иноземцевых, Владислава и Арсения, и Рыжова

в аэропорту Кзыл-Орды встретили и везут прямо сюда, на площадку, без заезда в город и в гостиницу.

«Бедненькие мои старики, – подумалось мне. – Ночной перелет, а потом, прямо с колес, на площадку. Как бы нам не уморить дедушек».

– А группа наша вообще будет большая? Или только мы четверо?

– Нет, конечно! Еще семь человек. Из Москвы, Питера, Екатеринбурга и Бишкека. Запуск беспилотный, поэтому туристов немного. В конце марта, когда летели космонавты, группа набралась больше ста человек.

А мы все ехали и ехали посреди пустыни, по раздолбанной дороге. Не думала я, что здесь такие масштабы. Вот ведь размахнулись в конце пятидесятых Королев с Хрущевым!

– Изначально здесь строился сверхсекретный военный полигон, – напомнил Денис. – Под ракету-носитель производства ОКБ Королева, способную добросить до Америки термоядерный заряд. Поэтому и стартовые столы расположены далеко от города. И друг от друга. Чтобы в случае ответного удара меньше разрушений и жертв. Мы сейчас с вами едем на тридцать первую площадку. Только не надо меня спрашивать, по какому принципу они именовались, и почему есть первая, а потом построили сразу тридцать первую.

– Чтобы запутать вероятного противника, – хихикнула я.

– Скорее всего. Тридцать первую здешние старожилы называют женским стартом. Или бабским, извините мне мой сексизм, но так говорят в народе. Это потому, что первой с нее запускали Терешкову, и вообще у нее, у площадки этой, считается, сложный, капризный, истинно женский характер.

– А сколько стартовых столов на космодроме вообще?

– Действующих? Или законсервированных? Или попросту заброшенных?

– И тех и других?

– Постоянно сейчас пускают с четырех. Обычно стартовые столы под ту или иную ракету парами делали. На случай, если один выйдет из строя, чтоб со второго летать. Вот и сейчас с двух запускают ракеты «Союз», с первой площадки и тридцать первой, и с двух – «Протоны». А покинутых столов гораздо больше. Мы посмотрим многие из них.

Наконец прибыли. Опять дорогу преградил КПП, опять ворота, колючка. Снова охранник сверил документы, осмотрел машину.

Зарулили на стоянку. Здесь чувствовалось оживление. Да что там – самая настоящая движуха. Из автобусов, микроавтобусов и лимузинов выгружались люди – с треногами, селфи-палками и мобильниками на изготовку, по виду явные туристы, с бейджиками на шее. Была и группа вездесущих, улыбчивых и слегка растерянных китайцев.

Чуть в стороне, на плацу, в каре строились другие люди. Много людей. Через мегафон произносились команды. Одеты все были в гражданское, но выправка чувствовалась военная. Мой красавчик-гид заботливо преклонился ко мне и пояснил:

– В начале нынешнего века было принято решение всем российским военным с Байконура уйти. Но определенные традиции сохраняются. В частности, построение стартового расчета.

К нам подошла женщина средних лет, с правильными чертами, ясными красивыми глазами, одетая в спецовку Главкосмупра с надписью «служба безопасности» на спине.

– Это Екатерина, – представил Денис, – будет сопровождать нас на космодроме.

– Здравствуйте, – улыбнулась она мне. – Давайте договоримся так. На площадках вы не будете ходить туда, куда запрещено, и фотографировать то, что не положено. Куда НЕ ходить и НЕ смотреть, я буду вам говорить.

– Неужели здесь до сих пор есть секретные вещи? – изумилась я.

– Конечно. Но сейчас не столько военные, сколько технологические.

– А вы вон китайцев пускаете.

– За ними еще строже надзор. Да вы же сейчас сразу все в соцсети выкладываете. А с меня потом стружку снимают – не досмотрела.

Влекомые моим красавцем чичероне, в толпе туристов, но не смешиваясь с нею, мы миновали еще одну проходную. Пока на одну туристку-меня, подумалось, приходился отдельный гид Денис и Екатерина-«безопасность». Да, и еще шофер Муратбек. Не в том ли объяснение высоких цен на путевки?

Вроде бы чисто внешне, по словам, и взглядам, и жестам, внимание ко мне Дениса не выходило за рамки стандартного канала «экскурсовод – клиент». Но я чувствовала, предощала: напрягается меж нами какая-то нить, что-то, да будет – и впервые за три года мне было не противно, не безразлично, а занимательно и интересно.

В ракете ощущалось, конечно, что-то невероятно сексуальное. Главное – красивая она была. Очень. И большая.

Ракету вывозили из МИКа – монтажно-испытательного корпуса – с помощью тепловоза.

В технике всегда так: что красивое – то удачное. И наоборот. Пример – автомобиль «Мерседес». И вот эта «королевская» ракета, которая летает больше шестидесяти лет.

Не так в человеческих отношениях. Кто красивый – тот, как правило, порочный. Хотя, с другой стороны, что я знаю о том же Денисе? Как могу судить?

А он – тут как тут, продолжал просвещать меня:

– Еще со времен Королева повелось: все руководители, кто создавал ракету, приезжают на вывоз. И пешком вместе с ней идут на стартовую позицию.

– И подкладывают под колеса тепловоза монетки – на удачу.

– А вы откуда знаете? – вылупился на меня гид. А я и не помнила откуда – то ли дед Влад рассказывал, то ли дед Радий. А может, бабушка Галина.

– Ах да, – спохватился сопровождающий, – мне ваш спутник Арсений говорил, когда путевки покупал: ваши дедули (как он сказал) – ракетчики былых времен.

«Так, может, все дело в том, что Денис считает нас с Сенькой парой? Надо развеять это его заблуждение».

– Все правильно, – кивнула я, – оба наших деда сюда, на Байконур, впервые приезжали, когда еще и Гагарина не было. Только маленькая поправка: мы с Арсением совсем не парочка, а единокровные брат и сестра. Иноземцев Владислав Дмитриевич – наш общий дед.

И тут, легки на помине, как раз и появились дед Влад и дед Радий. А еще их сопровождали две молодые женщины, одна из них в такой же, как Екатерина, куртке с пометкой «служба безопасности», и дама, явная туристка, средних лет, с бейджиком на шее. И Сенька, конечно.

Если честно, на душе у меня кошки скребли – как деды перенесут дорогу? Шутка ли, ночной перелет из Белокаменной, пара часов разница во времени, потом три часа на машине по пустыне из Кзыл-Орды.

Но оба выглядели как огурцы. Подтянутые, оживленные, глаз горит.

Я почти сразу догадалась, в чем дело. Штука заключалась в прибывшей с ними даме. Это для меня (и для Сеньки с Денисом) она выглядела довольно пожилой, пятидесяти-с-лишним-летней. А для восьмидесятилетних дедов – юная красотка. К тому же они оба у нас вдовцы: Радий – соломенный, жена Эльвира уехала в Германию и сошлась там с местным бургером, а дед Влад вдовствует натурально. И ведь остались еще силы и интерес, чтобы окучивать (слово из их молодости) представительницу противоположного пола! Даже соперничество между дедками какое-то почувствовалось – за самку! Ох, петухи!

Женщина эта мило улыбнулась мне.

– О вас, Вика, я наслышана. Мои спутники по дороге из Москвы рассказали: умна, красива, деловита. Все похоже на правду. И, чтобы вам не вглядываться в бейджик, меня зовут Елена, я туристка из Петербурга.

А Денис обратился к дедам:

– Жаль, что вы на вывоз ракеты не успели.

– Да бог с вами! – горячо воскликнул дед Радий, явно в расчете быть услышанным (и оцененным) Еленой. – Я тысячи вывозов и тысячи пусков на Байконуре наблюдал.

– Ну уж тысячи, – усомнился дед Влад (сказывались, сказывались элементы соперничества!).

– А ты посчитай, Владик! Я здесь прослужил с мая пятьдесят девятого по конец семидесятого. Почти двенадцать полных лет. Плюс много раз приезжал в командировки, и на гастроли меня приглашали. А в те времена отсюда стартовали не так, как сейчас, когда еле-еле двадцать пусков в год набирается! В конце шестидесятых – по восемьдесят-девять старты ежегодно. Вот и считай. Двенадцать на девять перемножить сможешь? Или тебе логарифмическую линейку дать, проектант?

– Но тебя ведь отсюда на Куру[З - Засекреченный полигон на Камчатке, куда направляются в испытательных целях головные части советских/российских ракет военного назначения. В 60-е годы являлся структурным подразделением полигона НИИП-5 (Байконур).] переводили. За плохое поведение. (Заложил соперника перед дамой Владислав Дмитриевич, заложил! Вот петухи!)

– А что Кура, что Кура! Я там год всего пробыл!

– Представляете, – обратился дед Влад теперь напрямую к Елене, – Радий тогда за Хемингуэя пострадал.

– Это как? – изумилась дама.

– Мы вместе с ним тут торчали на полигоне. И приносит нам радио в июле шестьдесят первого печальное известие: покончил с собой прогрессивный американский писатель Эрнест Хемингуэй. А мы его с Радием тогда очень уважали. Даже политинформацию о нем солдатам делали. Решили, конечно, выпить за помин души. А на площадках тогда сухой закон был. Но спирт, конечно, выписывали – на протирку, как говорили, оптических осей. Или осей координат. И вот Радий наш Ефремович перебрал и по дороге в казарму на глаза товарищу подполковнику попался. Тот и упек его на Камчатку, на Куру.

– Прекрасное было путешествие! Годик в экологически чистом районе, лосося руками ловили.

– Ага, и в палатках жили.

– В палатке – всего два месяца.

Тем временем мы подошли вслед за ракетой к стартовой площадке. Всех туристов отправили в крохотный загончик, огороженный барьерами по пояс. Сновали, щелкая затворами, китайцы, позировали на фоне ракеты, осклабясь. Наш экскурсовод слегка стушевался на фоне дедов – понимал, что его знания, почерпнутые в книгах и научпопфильмах, поблекнут в сравнении с реальным жизненным опытом Владислава Дмитриевича и Радия Ефремовича. Но он пытался.

– Вот, обратите внимание: на лафете установщика – такого гигантского домкрата, который поднимает ракету в горизонтальное положение, – нарисованы звездочки: одна большая, пять поменьше и семь совсем маленьких. Это значит, с данной площадки прошло сто пятьдесят семь пусков.

Ярко светило и даже припекало солнце, прогноз на сегодня был до плюс пятнадцати, и я оделась не слишком жарко (думая, честно говоря, не о теплоте, а как скорее понравится Денису). Однако дул сильнейший ветер, и я отчаянно мерзла.

Елена из Петербурга, разумеется, понимала смысл кружения вокруг нее дедов, и ей, без сомнения, это нравилось. Она расправляла плечи, посверкивала глазами. И поощряла старичков.

– А вы помните, как впервые на Байконур прибыли?

– Конечно! – первым откликнулся Радий. Он вообще выглядел гораздо более моторным, чем мой единокровный дед. Натуральный актер, сангвиник. – Я приехал сюда в мае пятьдесят девятого, поездом «Москва – Ташкент», на станцию Тюратам. Жили мы на второй площадке, недалеко от старта, который теперь гагаринским называют. В общаге комната на четверых – а перед этим офицеры вообще в бараке ютились, двести человек на нарах, деревянные стены, зимой волосы к подушке примерзали. Барак тот сгорел потом.

– А я был более ценный кадр, поэтому меня сюда впервые на самолете доставили, – перебил своего дружбана дед Влад. – Летели мы спецбортом, вместе с Костей Феофановым, моим начальником – он ведь потом и сам в космос отправился. Девятый стал советский космонавт. Промежуточная посадка у нас тогда была в Уральске, дозаправка. Помню: такой павильон на краю поля, мы садимся (тоже ночью летели), выходит, позевывая, буфетчица, отпирает висячий замок на своей будке. Мы перекусываем – ассортимент простой: вареный язык и сметана. Это тоже в мае месяце было, но в году – шестидесятом. На первый пуск «Востока» я тогда прилетал.

– Это с собачками, Белкой и Стрелкой? – пискнула Екатерина-«безопасность». Она, как и Арсений, Елена и другая сопровождающая дама, внимательно прислушивалась, что вещали распушившиеся старички (эти новые, добавочные слушательницы придавали дедам, особенно Радию, еще больше куражу).

– Что вы, Белку со Стрелкой пустили гораздо позже – в августе шестидесятого. А в мае еще система жизнеобеспечения не была готова, поэтому в качестве балласта чугунные чушки в корабль положили. Мы его тогда посадить не смогли, тормозные двигатели сработали при неправильной ориентации, и мы забросили изделие, наоборот, на более высокую орбиту. Корабль еще несколько лет в космосе болтался, пока не упал, как специально, на Америку. А там долго, где-то в Аризоне, гадали: что это за чугунные рельсы с надписями кириллицей русские на орбиту запускают?

– А вы и полет Гагарина видели? – спросила петербургская дама.

– Конечно! – воскликнул дед Влад.

– «Конечно», – передразнил его Радий. – Ты, «конечно», его «видел». Ага. Ты, Владичек, в бункере тогда сидел, и тебя даже к перископам не допускали – потому что в перископы гораздо более важные люди за тем стартом наблюдали.

– Зато я по заданию Сергея Павловича орбиту гагаринскую сразу после пуска просчитал! – защищался Иноземцев. – А ты-то сам? В кунге[4 - Кунг (аббревиатура), или кузов унифицированный нормального габарита – использовавшееся обычно советскими военными помещение для установки различной аппаратуры, часто радиоэлектронной, и управления ею.] своем весь запуск просидел! Там ведь тоже окон нет.

– Я вышел в степь и смотрел глазами. В непосредственной близости от стартовой позиции. У меня в отделении все четко организовано было, солдатики работали и без моего присутствия.

– Вот именно, без тебя здесь вообще можно было обойтись.

Забавно было наблюдать за ними обоими. Лишнее доказательство, что люди в целом с течением времени не меняются. И оба пожилых мужчины вели себя так, словно они два первокурсника, пытающихся обольстить восьмиклассницу.

Тем временем, под перебранку дедов, гигантский, типа, домкрат потихоньку поднимал ракету в вертикальное положение. Потом с ней стали смыкаться фермы обслуживания. Я мерзла отчаянно под ледяным солнцем Байконура. Кругом суетились, толпились и щелкали затворами фотиков многочисленные туристы.

– Ну, прощальный взгляд на ракету – и в путь! – бодро скомандовал Денис. – В следующий раз мы ее увидим в полете.

Мы вернулись на стоянку. Деды по ходу движения продолжали охмурять Елену. Она была ничего, особенно для их возраста. Разумеется, после пилинга, ботокса и гиалуронки, зато с прекрасной прической, отменным маникюром, худая, стройненькая и одета, как подросток – в кожаную косуху и рваные джинсы. Забавно было посмотреть, как вышагивает эта троица: она посередке, и они что-то наперебой ей вкручивают.

Сенька, да и я, готовившиеся опекать пенсионеров на каждом шагу, почувствовали себя не у дел. Арсений сделал знак в спину удалявшейся троицы – мол, молодцы, круто, горжусь!

Теперь мы расселись в микроавтобусе – на нем мои как раз и прибыли из кзыл-ординского аэропорта. В багажнике лежали их чемоданы. На переднее сиденье влезла Екатерина-«бе-зопасность». Еще одна девушка с бейджиком, от турфирмы, представилась как Элоиза.

– Элиза? – переспросил Владислав Дмитриевич.

– Эльза? – Радий.

– Нет, Элоиза.

Занял свое место казах-шофер. Внутри микроавтобуса все мы постарались усесться по интересам. Пожилые мои ракетчики – вокруг Елены, а я – поблизости к нашему путеводителю.

Снова помчались по пустыне, время от времени обгоняя тихоходы-автобусы с туристами и работниками космодрома. По обочинам на площадках то и дело попадались полицейские (российские) машины. Однажды навстречу нам пронеслось два бронетранспортера.

– Перед запуском всегда так, – кивнул мне Денис, – меры безопасности усиливаются.

А холостые деды продолжали наперебой изливаться вокруг петербурженки. Видимо, адреналин придавал им сил. Трудно поверить, что эти восьмидесятилетние «пенсы» только что совершили ночной перелет. Воистину, гвозди бы делать из этих людей. Советские товарищи – они какие-то совсем другие были, гораздо крепче нас.

Мы пронеслись мимо огромного квартала посреди пустыни, настоящего города из заброшенных пятиэтажек: все без окон, без дверей и без признаков жизни. И даже что-то похожее на дом культуры и спортклуб промелькнуло, тоже давно покинутые.

– Здесь селили тех, кто в восьмидесятые работал по программе создания ракетно-космического самолета «Коршун» и сверхтяжелой ракеты «Родина», – пояснил наш экскурсовод. – Сорок тысяч человек тут проживало в лучшие времена. В основном городок застроили квартирами-малосемейками гостиничного типа. Как только у семьи дети появлялись, ее в Байконур переселяли, потому что тут ни школ, ни детских садов не было. После того как программу закрыли, городок, его называли «Молодежным», был заброшен и отчасти разграблен. Да, в лучшие времена, как раз в середине восьмидесятых, под «Коршун-Родина», население города Байконура вместе с этим микрорайоном ста сорока тысяч человек достигало. Сейчас – около семидесяти тысяч.

– И я здесь в общей сложности года полтора, наверное, прожил, – произнес в тон Владислав Дмитриевич. – Когда мы «Коршун» доводили. В гостинице тут обретался. Наездами из Москвы, по два-три месяца. – На первый взгляд лицо его при виде нынешнего разорения казалось бесстрастным, но на скулах заходили желваки, и на глаза навернулись слезы.

Мы остановились на перекрестке железной и шоссейной дорог. Тусклые дорожные знаки, памятная стела с вылинявшими буквами, так что сложно даже прочесть:

...АРТОВЫЙ КО.ПЛЕКС

КОРШ.Н-РО.ИНА

Мы выползли из микроавтобуса. На расстоянии примерно километра, за забором из колючей проволоки, возвышались циклопические сооружения. Металлические ажурные башни достигали вышины небоскреба – метров двухсот.

– Перед вами – там, вдалеке, – площадка номер сто десять, – начал Денис, – или стартовый комплекс «Коршуна». К сожалению, нам не разрешают ни визиты на самую площадку, ни даже подъезжать ближе. Как говорят, для нашей же безопасности: за тридцать лет неиспользования железо проржавело, может свалиться на головы. Сначала эта площадка предназначалась для «лунной» ракеты – той, что должна была доставить первого советского человека на Луну. Ракету эту придумал еще Сергей Павлович Королев, она имела наименование

Эн-один, или носитель-один, или наука-один, и была почти сто метров в высоту – как тридцатиэтажный дом, а внизу составляла около пятидесяти метров в окружности, и тридцать ракетных двигателей. Ее еще называли «царь-ракетой». Потому что больше, чем она, так до сих пор и не было в мире создано. Но как это часто у нас, русских, бывает, царь-колокол не звонит, царь-пушка не стреляет, царь-ракета не летает. Было четыре пуска Эн-один, два в шестьдесят девятом, один в семьдесят первом и один в семьдесят втором. Ни один из них не увенчался успехом. Максимально ракета пролетела чуть более минуты. После этого программу закрыли, а затраты, шесть миллиардов рублей, списали. В советские времена шесть миллиардов были колоссальные деньги. Кооперативная квартира, мне рассказывали, пять тысяч рублей стоила. Так что вместо ракеты можно было город-миллионник построить.

Я исподволь окинула взглядом дедов. Оба они теперь стояли с опрокинутыми лицами. То ли усталость наконец взяла свое, то ли нахлынули печальные воспоминания. Чтобы растормошить их, я вполголоса спросила:

– А вы эту ракету помните?

– Помню ли я! – усмехнулся дед Владислав. – Да я для нее лунный корабль делал, который так ни разу никуда и не полетел.

– Плохо, значит, делал, – буркнул Радий.

– Это вы так ее испытывали!

– Да, грохота было много. Тогда, в шестьдесят девятом, я перед стартом эвакуацией с площадок руководил. Второе июля, как сейчас помню. Ночь на третье. Последний шанс хоть как-то американцев с их «Аполлоном» опередить. Хоть в беспилотном режиме Луну облететь.

Все внимание нашей небольшой тургруппы перекинулось к Радию. Он реально был очень артистичен, играл голосом – да и было ему что рассказать. Сведения из первых уст, не отраженным светом, как у Дениса.

– Тогда не только отсюда, но и со второй площадки всех увезли, и с первой тоже. Когда шла эвакуация, возникло ощущение, будто армия отступает: сплошной поток машин. И не зря, как оказалось, всех вывезли. Ракета грохнулась прямо на

стартовый стол и взорвалась. Что здесь было – как атомный взрыв! Стекла вылетели вплоть до города, а это больше сорока километров. Наши спецы в гостиницу на второй площадке вернулись – а стекол нет. Слава богу, мы с моими солдатиками во время пуска в окопе полного профиля сидели. Потом на меня сверху еще какой-то подполковник упал. Да, рвануло страшно. А через минуту сверху посыпались кусочки горячего металла. А потом пошел странный дождь, из керосина.

– Никто не погиб? – пискнула Елена.

– Слава богу, нет. Но левый старт – а их там два было – уничтожили под корень. И вот тогда стало на сто процентов ясно, что лунную гонку мы американцам проиграли. Они на Луну двадцатого июля ступили.

Подавленные рассказами Дениса и Радия, мы вернулись в микроавтобус. А дальше нас ждало еще более разочаровывающее зрелище. Неподалеку возвышались огромные (и навсегда покинутые) здания – МИКи (монтажно-испытательные корпуса) для суперракеты «Родина» и ракетно-космического самолета «Коршун». Даже не знаю, с чем это сравнить. Океанский круизный лайнер? Он явно меньше будет. А перед МИКи на открытом воздухе были брошены циклопические железные объекты, похожие на увеличенных в миллион раз кузнечиков. Каждый опирался на два длинных ряда железнодорожных колес и стоял одновременно на двух парах рельс. Не знаю, сколько сотен тонн металла там было. А ведь когда-то эти агрегаты действовали. Они, как доложил нам Денис, вывозили из МИКов ракету «Родина» с кораблем «Коршун», доставляли их на стартовую позицию и поднимали в горизонтальное положение. По сути, это были такие же установщики, как те, что вздымали сегодня ракету «Союз», только раз в пять или даже десять больше. А Денис все рассказывал о программе «Коршун»: и как работали на нее по всему Союзу более миллиона человек, и сколько на нее потратили. И как «Коршун» пятнадцатого ноября восемьдесят восьмого года совершил один-единственный беспилотный полет на орбиту, а потом, после двух витков вокруг Земли, сел сам, без пилота, здесь неподалеку, километрах в семи, на тут же, на Байконуре, построенный аэродром «Юбилейный».

– «Юбилейный», кстати, тоже совершенно особенная посадочная полоса.

Говорят, когда его возводили, начальник космодрома ставил на капот своего «газика» налитый вслянь стакан воды и ехал по взлетке. Если вода расплескивалась, приходилось плиты шлифовать. Несколько сотен алмазных

дисков для шлифовки израсходовали. И построили еще два запасных аэродрома для «Коршуна» – на Дальнем Востоке и в Крыму. В своем роде наш аэродром «Юбилейный» – совершенно уникальный.

– А сейчас он используется? – спросила Елена.

– Только если прилетает ну оочень большое начальство. Или супербогатые люди, имеющие отношение к космосу.

– Это на нем Бабчук разбилась?

Лицо Дениса чуть дрогнуло.

– На нем.

Я знала эту историю, да и деды, конечно, тоже. Помню, они ее при мне обсуждали. В свое время она по разным СМИ прогремела, а потом затухла, вытесненная другими новостями, не менее кровавыми – и все ее благополучно забыли.

Наталья Бабчук была членом совета директоров авиакомпании «Отчизна» и женой президента компании Игоря Бабчука. Входила в список «Форбс» и числилась чуть не самой богатой женщиной России с состоянием около полумиллиарда долларов. Ее компания несколько лет назад приобрела так называемый «экваториальный старт» – платформу в океане, с которой можно запускать ракеты. Платформа болталась где-то на экваторе, в Тихом океане, близ островов Рождества. Говорили – я вовек этого не пойму – что чем южнее ракету запускаешь, тем легче ей взлетать. (Поэтому, кстати, и Байконур на юге СССР, в пустыне заложили.) Так вот, Бабчук эту платформу купила за шестьдесят лимонов евро, кажется – а потом оказалось, что ракеты подходящей для нее теперь нету. Вот и металась Бабчук по миру, пыталась производство этой ракеты наладить. На Байконуре тоже не раз бывала. И вот однажды, взлетев как раз со здешнего аэродрома «Юбилейный» на своем частном самолетике, потерпела аварию. Погибла не только она, но и два пилота и бортпроводник.

– Что там в итоге с самолетом Бабчук случилось? – продолжала расспрашивать Елена.

– Расследование идет, – пожал плечами Денис, – и о результатах я пока ничего не знаю... Но вернемся к нашим баранам, то есть к нашему «Коршуну». После того первого (и единственного) полета и ракета «Родина», и боевой слетавший пристыкованный к ней «Коршун» хранились именно здесь, вот в этом монтажно-испытательном корпусе. Однажды на кровле казахская фирма стала проводить работы – крыша начала течь. Завезли рубероид, складировали по ошибке все в одном месте. К тому же в ту весну шли дожди – а при постройке этого корпуса в нарушение технологии на крыше использовали керамзит. Он пропитался водой, в итоге, с учетом складированного рубероида, нагрузка на крышу превысила допустимую, и она попросту рухнула – прямо на «Родину» с «Коршуном». Восемь рабочих погибли. А в довершение всего топливные баки «Родины» были заполнены газом (таковы условия хранения), и когда их повредили осколки крыши, они взорвались. В результате погибла и ракета, и ракетно-космический самолет.

– И где они сейчас? – спросила любознательная Елена.

– Порезали, вывезли на металлолом... А крыша МИКа, как вы видите, так и не восстановлена.

На моих дедов было жалко смотреть. Оба совсем сдулись.

Конечно, они слышали эту историю. Не могли не слышать. Но одно дело – ведать о ней абстрактно, и совсем иное – увидеть воочию.

Даже ярчайшее и припекающее совсем по-весеннему солнце, даже яснейшее синее небо не могли поддержать нам настроение, не делали менее резкой боль от разрухи. Прибитые и разочарованные, мы залезли обратно в микроавтобус.

Денис сказал:

– Давайте теперь вернемся в город. Поселим наконец наших новых гостей в отель, и вы все немного отдохнете. А потом встретимся на ужине.

На обратном пути усталость – а может, переживания – взяли свое. И Радий, и Владик заснули прямо в креслах.

Задремала и сидящая между ними Елена. При этом она трогательно преклонила головку на плечо Радия.

Зная, что женщины обычно ничего не совершают случайно, даже во сне, я подумала, что она, возможно, сделала свой выбор.

* * *

Ужин назначили на семь, в кафе на местном Арбате.

Я подновила укладку, растрепанную под байконурским ветром. Сделала вечерний макияж и вдумчиво подобрала кофточку – чтобы и стильно, и не вызывающе. Надела теплую куртку, чтобы не мерзнуть по пути. И все равно еще оставалось время. Мне не хотелось ничьего общества – ни Сеньки, ни тем более дедов, и я решила пройтись одна.

Смеркалось. Слева огромную площадь, где стояла гостиница, замыкало державное здание с колоннами. Я сверилась с картой (мне ее выдал при поселении Денис): это Дом офицеров. Видимо, именно на его сцене блистал в былые времена Радий. Я обошла его кругом. Дом офицеров тоже оказался заброшенным и разрушенным, как слишком многое здесь, на Байконуре. Крыша провалена, окна заколочены. На цоколе кто-то отчаянно написал зеленой краской: «В ее глазах я видел все, кроме любви».

С оборотной стороны Дома офицеров начинался парк. Судя по карте, он спускался к Сыр-Дарье. К каждому дереву была подведена водопроводная труба – полив. Я такое видела только в жарких странах, типа Израиля. По пустынным аллеям я дошла до летнего кинотеатра. Он тоже выглядел покинутым.

Как ни странно, несмотря на полное одиночество и сумерки, гулять здесь было совершенно не страшно. Но время поджимало, и я вернулась на местный Арбат.

Кафе почему-то называлось «Кальяри» – где, спрашивается, Сардиния и где Байконур. Буква «Я» в названии потухла, и получилось «Каль-ри». Столики расставили на открытой веранде, хотя апрель, и температура вечером уверенно стремилась к отрицательным отметкам. Здесь сидела молодежь, покуривала

кальяны да и просто сигаретки и попивала пивасик.

В заведении и официанты, и бармен, и мэтр – все оказались казахами. Они проводили меня за столик. В обычном стиле русских – наша тургруппа составила вместе три стола. К нам присоединились еще две пары, очень молодые, даже в сравнении со мной, Стас и Настя из Бишкека и Катя с Лешей из Екатеринбурга. Жаль, для Сенечки моего никакого подходящего кадра даже теоретически на горизонте не появилось.

Несмотря на мое опоздание, еще шла рассадка, и я после некоторых организационных телодвижений заполучила место рядом с Денисом. По другую руку от меня расположился мой единокровный дед Влад, рядом с ним, естественно, Елена, а подле нее – Радий. Старички, да и петербургская дама выпалились, приоделись и выглядели даже импозантно.

Расселись, сделали заказ. Сенька попросил местного казахского коньяку, я ограничилась пивом. Несмотря на то что Денис очутился рядом, ни интимного диалога, ни какого бы то ни было еще у меня с ним не получалось. Его все дергали вновь прибывшие туристы, расспрашивали, что к чему и что будем смотреть. А то он официантами руководил, распорядился, как и что подавать, или с Элоизой своей шептался по части организации завтрашнего дня.

Я невольно прислушивалась к разговору дедов.

– Скажите, Радий Ефремович... – начала Елена.

– Просто Радий.

– Да, хорошо. Вот вы жили здесь, на Байконуре, в шестидесятые. И каким он вам тогда казался, этот город?

– Прекрасным! Всюду новостройки – но такой размах! И полет. Представляете, тридцатую школу (ну, она была первая в городке, просто ее для конспирации тридцатой наименовали) построили за одно лето! В три смены солдатики пахали. Но я мало в городке тогда бывал. Все больше на площадке. А здесь только на праздники и в редкие выходные. На танцверанду офицеры приезжали. Знаете, как тогда говорили? Вы меня извините за гусарскую прямоту, но иначе не звучит. Здесь, на полигоне, считали так: на одну даму приходится десять

метров шланга и ведро яиц.

- А вы тут себе жену нашли?

- А где ж еще! Эльвирка поварихой была, в буржуйке.

- В буржуйке?

- На площадке четыре столовые были: солдатская, офицерская, для специалистов и для начальства. Для буржуев, значит. Мы поженились - нам квартиру сразу здесь, в городке, дали. Денег на Байконур государство не жалело. К семидесятому году кинотеатр «Сатурн» построили - огромный, широкоэкранный, на тысячу сто мест, бассейн. Деревья подросли. А снабжение! В советские времена - важная вещь! А у нас, говорили, снабжение лучше, чем в Москве. Или, скажем, в городке Звездном. Копченая колбаса с черной икрой в магазинах лежала! Квартиру нам довольно быстро дали. Мария - вон, мать его, - Радий кивнул на сидящего напротив Сеньку, - у нас подрастала.

- А что ж вы уехали?

- Климат. Климат ужасный, конечно. Да и потом, Подмосковье, пусть и дальше, по-любому лучше пустыни.

- Вот и я тоже так решила.

- Вы здешняя?!

- Да, выросла здесь. В той самой тридцатой школе училась.

- А я распинаюсь!

- Но я в семнадцатилетнем возрасте, сразу после выпускного, отсюда уехала. С тех пор пару раз приезжала на каникулы. А в конце восьмидесятых родителей в Питер перетащила - и уже с концами.

- Вы, значит, тоже на родное пепелище пожаловали?

- Вроде того.

Этот диалог рядом с собой я слушала вполуха. Сама пыталась наладить контакт с Денисом. Но он был какой-то дерганый. На мои реплики отвечал односложно. И особого внимания ко мне – напряженного, мужского, как вчера вечером или сегодня с утра, – не проявлял. Я не то чтобы обиделась, но задумалась: что это с ним? И, может, это я совершила какую оплошность?

А потом, как бывает в любом застолье, народ решил сделать перерывчик. Стали выходить, кто прическу поправить, кто покурить. Тут-то и произошла встреча, которая, как я сейчас понимаю, стала точкой невозврата для нашего путешествия. И которая мирный туристический-ностальгический вояж превратила в нечто совсем-совсем иное. А тогда я не придавала случившемуся особого значения.

Дед Радий, возвращавшийся из туалета, столкнулся лицом к лицу с пожилым красивым казахом: тонкие правильные черты, смуглая кожа, красивые кисти и длинные пальцы рук. Тот изу-мленно раскрыл свои раскосые очи:

- Товарищ майор? Радий Ефремыч? Вы ли это? Здравия желаю!

- Да, это я. А ты?.. Не припоминаю.

- Лейтенант Талгат Садыков прибыл в ваше распоряжение! – по-военному отрекомендовался новый персонаж, хоть, конечно, одет был в гражданское и выглядел явным отставником.

- Талгатик! Лейтенант! Бисов ты сын!

- Так точно. Только я давно уже не лейтенант. Подполковник в отставке.

- Хм, сравнялись, значит. Меня тоже подполковником уволили.

- Не сделали мы, значит, с вами карьеру в советской армии.

- Ох, не сделали.

– А пойдёте, Радий Ефремыч, за мой столик. Я один тут обретаюсь. Поговорим. Расскажите, как судьба ваша сложилась. Мы ведь, почитай, с какого года не виделись?

– А ты все здесь, на Байконуре?

– Так точно!

– Ну, пошли.

И дед Радий прихватил свою стопку и удрал из-за нашего длинного общего стола к двухместному столику нового-старого знакомого.

Тем временем дед мой единокровный, за исчезновением соперника, принялся в новом порыве ухаживать за Еленой. Стал вспоминать баснословные времена, когда при подготовке программы «Союз-Аполлон» сюда, на строго секретный военный полигон, пожаловали первые американцы.

– А вы-то как здесь тогда оказались? – на правах байконурского старожилы ревниво выпрашивала Елена.

– Из Подлипков приезжал, в командировки. Как специалист. По два-три месяца здесь сидел. Помню, тогда всех, кто с американцами контактировал, в гражданскую одежду переодели.

– Да-да, вспомнила! Моего отца тоже! Прямо заставили в универмаг идти и пару гражданских костюмов прикупать!

– Да, а среди американской делегации, конечно, много церэушников было. И русским хорошо владели. И вот один спрашивает у парня на проходной – а тот в гражданке сидит, как по новым правилам положено. Сколько, говорит, тебе, сынок, до дембеля? А тот: полгода. Так и расшифровался. Но что полигон военный – это, конечно, секретом полишинеля было. Смешнее, когда вдруг выяснилось, что многие рельсы на площадках – с клеймом «Made in USA», их в СССР некогда по ленд-лизу получили. Мобилизовали сварщиков заваривать знаки.

Елена вежливо слушала деда, потом засобиралась.

– Я провожу вас?

– Нет-нет, тут до гостиницы совсем рядом. Да и спокойно здесь. Сидите-сидите, я сама дойду.

– Если вдруг захотите, у меня в номере есть чайничек и прекрасный чай и кофе. Я как старый путешественник (ударение на слово путешественник, ха-ха-ха) все свое ношу с собой. Заходите по-соседски на чай. Я в триста восемнадцатом.

– Спасибо большое, – тепло улыбнулась Елена.

Мне стало жалко деда – неужели он не видит, что его шансы на успех довольно призрачны? И в данной конфигурации дама явно предпочитает Радия? А с другой стороны, люди – смешные создания. И мы часто воображаем себе неизвестно что. С чего вот я вдруг взяла, что Денис приударяет за мной? По нынешнему вечеру этого и не скажешь. Но не могла же я ошибиться? И свой собственный к нему интерес и вдруг возникшую во мне терпимость по отношению к мужским ухаживаниям принять за его внимание? А может, он так расчетливо играет? Теплое начало – заведомое охлаждение, а потом... Да никакого времени не остается у нас ни для какого «потом».

При этой мысли настроение у меня совсем скучилось. Да и ужин кончился, и я поспешила проститься. Меня никто – включая, к сожалению, Дениса – не удерживал. Наоборот, он мне на прощание сказал вежливо, как обычной клиентке: «Хорошо отдохните, завтра обширная программа».

Когда я уходила, за столиком на двоих, где сидели, глаза в глаза, дед Радий и его бывший сослуживец, дым стоял коромыслом. Явилась водочка, пиво.

– Ты давай, за дедами своими проследи, – шепнула я на прощание Сеньке. – Особливо за Радием. Сам рассказывал, какой он у вас бывает, с выходом.

– Ага, дезертируешь с поля боя, – надулся Арсений. – И двух старичков на меня вешаешь.

– Ты мальчик, я девочка. И я сроду не подряжалась пьяных мужиков таскать.

В номере оказалось холодно. Я залезла под одеяло и стала просматривать фотки сегодняшнего дня: космодромская дорога сквозь пустыню, вывоз и вертикализация ракеты, заброшенный микрорайон из пятиэтажек среди пустыни. Покинутый старт с гигантскими молниеотводами и фермами. МИК с обвалившейся крышей и гигантские «кузнечики»-установщики для «Коршуна». Дом офицеров с заколоченными окнами и граффити. Разрухи и убытка на снимках оказалось явно больше позитива. Кое-что я запостила в инстаграм с фейсбуком с приличествующими и, по возможности, возвышающими отечественную космонавтику подписями. Потом нечаянно уснула.

Проснулась от холода. Нос и щеки заледенели. Часы на телефоне показывали час ночи.

Никто, конечно, и не подумал заменить мне неработающий обогреватель.

Что ж, как говорят старички Владислав и Радий (повторяя любимцев своей юности Ильфа и Петрова), спасение утопающих – дело рук самих утопающих. Я вылезла из-под одеяла и пошла искать горничную.

Она сидела у нас на этаже, у себя в каморке, в окружении семи-восьми обогревателей, стопок чистого белья и верблюжьих одеял. Я вспомнила свою бедную ушедшую матушку и как она рассказывала: «При социализме главное слово было – смирение. Особенно перед младшим обслуживающим персоналом: продавцами, официантами, стенографистками, машинистками, администраторами. Перед ними следовало заискивать, за это ты могла получить от них самое лучшее». А я понимала, что попала сейчас, на Байконуре и в гостинице, практически в беспримесный социализм. И униженно попросила у служительницы работающий обогреватель. Моя кротость покорила ее. Она проверила агрегаты, выбрала лучший и даже помогла мне дотащить его до номера.

Я включила его, и в комнате ощутимо начало теплеть. Пощелкала каналами телевизора. Их было штук шесть, как при позднем социализме, и показывали все ужасно, с рябью и словно из-под воды. Я уставилась в незашторенное окно. Огромный плац, ограниченный с четырех сторон гостиницей, зданием Главкосмоупра, Домом офицеров и истоком местного Арбата, был ярко освещен.

Куда-то вверх указывал неизбежный Ленин. На универмаге (тоже заброшенном и неработающем), которым начинался Арбат, помаргивали разноцветные лампочки иллюминации.

Вдруг я заметила, что огромное пустынное ночное пространство площади пересекают наискось знакомые фигурки.

По диагонали, из города по направлению к отелю, брели мужчина и женщина. Мужчина был явно навеселе, он что-то рассказывал и жестикулировал. Дама улыбалась.

Это, без сомнения, были Радий и Елена. Откуда они шли в два часа ночи?

Ведь первая, сославшись на усталость, отправилась отдыхать в половине девятого.

Второго персонажа я покинула, спустя полчаса после этого, выпивающим в ресторанчике с Талгатом. Где, как, зачем и почему они, спрашивается, объединились?

Парочка вошла в гостиницу. Я прислушалась. Через какое-то время заработал лифт.

Затаив дыхание, я подошла к своей двери. Мой номер был у самого лифта, в начале коридора.

Когда старички и Елена заселялись сегодня днем, после первого визита на космодром, я обратила внимание, что все наши живут на моем же третьем этаже, только дальше, чем я, от центральной лестницы.

Шаги парочки прозвучали мимо моей двери. Слышимость здесь была что надо (хорошо, что я прихватила с собой беруши). Я тихонечко приотворила дверь и стала следить. Ничего не может быть занимательней альковных тайн!

У двери Елены парочка остановилась. Последовал короткий тихий разговор, и Радий попытался ее поцеловать. Во дает старикан! Она засмеялась и высвободилась. Скользнула за дверь и захлопнула ее у старика Рыжова перед

носом. Он юмористически развел руками – мол, увы, не вышло – и побрел к себе.

Какие дела тут творятся! Просыпаются древние инстинкты, следуют позывы к любви, гордые отказы! Да, воистину, в Байконур из Таиланда готова ныне перенестись столица секс-туризма!

Наутро все – и даже мои старички, загулявшие с вечера, – собрались на завтраке, как положено, рано. Предстояла, по обещанию Дениса, обширная программа. Дед Радий выглядел возбужденным и одухотворенным, как будто и не с похмелья.

Когда мы вышли из кафе, в начале местного Арбата Радий Ефремыч подозвал нас троих – деда Владислава, Арсения и меня – и сказал:

– Есть очень-очень важный разговор.

– Вы что, жениться собираетесь? – несдержанно брякнула я и сразу поняла, что бухнула опрометчиво.

– С чего ты взяла? – подозрительно прищурился игривый старичок.

– Шучу так, – пошла я на попятный.

– Нет, дело и впрямь очень-очень серьезное. Я кое-что узнал вчера.

– Ну, говорите.

– Нет, не сейчас. Во-первых, разговор долгий. А во-вторых, совершенно не для чужих ушей. Выберем где-нибудь время и место.

– Талгат вам что-то рассказал?

– Да, и не только Талгат. И не только рассказал.

Но нас уже звали садиться в микроавтобус. Место рядом с водителем заняла «Екатерина-безопасность».

С утра экскурсию вела Элоиза. Язык у нее оказался подвешен хуже, чем у Дениса, зато она рассказывала интересные бытовые вещи. Все-таки, как она с гордостью сообщила, всю жизнь прожила на Байконуре.

Мы ехали по улицам городка, и здесь, казалось, время остановилось в семидесятых – во всяком случае, никаких жилых домов старше хрущевок не наблюдалось. Не мелькало ни билбордов, ни реклам. На остановках толпился народ, и Элоиза пояснила: «Ждут автобусов, ехать на космодром, на площадки. В советские времена самым популярным видом транспорта на Байконуре был мотовоз. Поезда отправлялись раз в сутки, по утрам, на каждую площадку свой. Проезд бесплатный, но по рабочему пропуску – и если у тебя он на тридцать первую площадку, то на первую по нему не поедешь, за этим следили. Много драм было, когда офицеры свой мотовоз просыпали – приходилось попутку ловить, добираться до своей части».

Элоиза все время вопросительно посматривала на Радия со Владиком – правильно ли рассказывает, нет ли замечаний у непосредственных участников событий? Но оба бывших заслуженных байконурца сохраняли индифферентный вид, лишь легкая улыбочка скользила по устам моего деда.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Подробно об этом, а также семейную историю Иноземцевых – Рыжовых – Спесивцевых можно прочесть в тетралогии Анны и Сергея Литвиновых «Высокие страсти». Роман первый – «Исповедь черного человека», второй – «Сердце Бога»,

третий – «Бойтесь данайцев, дары приносящих» и четвертый – «Здесь вам не Сакраменто».

2

Об этом – в начальных томах тетралогии Литвиновых «Высокие страсти».

3

Засекреченный полигон на Камчатке, куда направляются в испытательных целях головные части советских/российских ракет военного назначения. В 60-е годы являлся структурным подразделением полигона НИИП-5 (Байконура).

4

Кунг (аббревиатура), или кузов унифицированный нормального габарита – использовавшееся обычно советскими военными помещение для установки различной аппаратуры, часто радиоэлектронной, и управления ею.

Купить: https://tellnovel.com/ru/litvinovy_anna/tebya-ub-yut-pervym

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)